УДК 34
DOI 10.36511/2078-5356-2020-4-134-139

Нажмутдинова Патимат Магомедовна
Patimat M. Nazhmudtinova

адъюнкт адъюнктуры
Нижегородская академия МВД России (603950, Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3)
a postgraduate student
Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia (3 Ankudinovskoye shosse, Nizhny Novgorod, 603950)
E-mail: nazhmudinovap@mail.ru

Проблемы неопределенности обстоятельств непреодолимой силы Problems of uncertainty of force majeure circumstances abstract

В статье раскрывается проблема феномена неопределенности при установлении и квалификации обстоятельств непреодолимой силы. Проводится анализ судебной практики по толкованию определенности обстоятельств непреодолимой силы, в том числе в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Делаются выводы и предложения по совершенствованию индивидуально-правового регулирования обстоятельств непреодолимой силы.

Ключевые слова: неопределенность, обстоятельства непреодолимой силы, индивидуально-правовое регулирование, новая коронавирусная инфекция (COVID-19), форс-мажор.

The article deals with the problem of the phenomenon of uncertainty in determining and qualifying force majeure circumstances. The analysis of judicial practice on the interpretation of the certainty of force majeure circumstances, including in the context of the spread of a new coronavirus infection (COVID-19). Conclusions and suggestions are made to improve the individual legal regulation of force majeure circumstances.

Keywords: uncertainty, force majeure circumstances, individual legal regulation, new coronavirus infection (COVID-19), force majeure.

Правовое регулирование обстоятельств непреодолимой силы можно оценивать в качестве самостоятельно предпринятого участником соответствующих правоотношений действия, способствующего избавлению от присутствующей неопределенности. Ведь именно совершение *определенного* действия становится тем самым выходом из сложившейся трудноразрешимой ситуации. Целенаправленное совершение действия позволяет снять неопределенность и привести к конкретному и весьма однозначному факту [1, с. 5].

Так, закрепление в договоре необходимых положений, касающихся обстоятельств непреодолимой силы, становится предельно понятным, ясным фактом, что дает возможность взять наступление отдельных ситуаций под свой контроль и почувствовать уверенность. Соверше-

ние подобного действия следует оценивать как обретение *точно определенной* информации, касающейся наступления возможных ситуаций в будущем времени, что способствует снижению степени неопределенности для участников соответствующих правовых отношений при существовании множества вариантов исходов в случае возникновения непредвиденных ситуаций. Тем не менее, важно отметить, что в любом случае человек не может обладать всей полнотой информации ввиду ограниченности собственных возможностей соблюсти все предусмотренные рациональным выбором требования, что неизбежно приводит к неопределенности [2].

Можно сделать вывод о том, что вынести совершенно однозначные суждения в отношении обстоятельств непреодолимой силы не представляется возможным в силу их сущност-

ных характеристик. В связи с этим, как только предпринимаются попытки вынести какое-либо суждение о феномене непреодолимой силы, то зачастую возникают трудности, обусловленные тем, что правовая природа обстоятельств данного вида неоднозначна, до конца не изучена, отличается фрактальностью и скрытыми параметрами. Неоспоримым является тот факт, что ситуации, возникающие в реальной жизни по своему многообразию и вариативности, несоизмеримы с любыми юридическими нормами, ведь очевидно, что заблаговременно предусмотреть все нестандартные пути развития тех или иных событий не представляется возможным.

Таким образом, нельзя избежать неопределенности в полной мере. Здесь видится весьма важным отметить, обобщая изложенное ранее, что неопределенность обстоятельств непреодолимой силы, порождающая проблемы их квалификации, имеет двойственную природу. Если рассматривать неопределенность как «свойство, объективно необходимое качество права, отражающее его универсальный характер как социального регулятора, то можно говорить о положительном эффекте, который достигается за счет существования этого свойства» [3, с. 195]. Так, благодаря неопределенности происходит развитие индивидуального правового регулирования обстоятельств непреодолимой силы.

Мы предполагаем, что неопределенность, связанная с категорией непреодолимой силы, отличается двойственным характером. С одной стороны, она является несомненным отрицательным фактором, наличие которого обуславливает проблему квалификации обстоятельств непреодолимой силы, с другой — неопределенность, существующая в этой сфере, становится позитивным мотивационно-стимулирующим явлением, способствующим прогрессивному развитию индивидуального правового регулирования, что, в свою очередь, позволяет повысить качество правоприменительной деятельности. В данном аспекте именно неопределенность как биполярный феномен, объединивший в себе противоположные направленности своей юридической природы, дает возможность разумного усмотрения при правореализации посредством осуществления индивидуального правового регулирования [4, с. 112].

В том случае если пункт 3 статьи 401 ГК РФ принимать в качестве относительно-определенной нормы, то обусловленную сущностной особенностью таких норм неопределенность также можно оценивать в положительном ключе. Позитивный смысл подобной неопределенности

заключается в том, что она становится «особым юридико-техническим приемом, который дает возможность законодателю вводить усмотрение в вариантах поведения, негативный же подразумевает образование юридико-технических дефектов в их различных формах» [5, с. 18].

Можно наблюдать проявление «эффекта неопределенности» при квалификации обстоятельств непреодолимой силы в практической деятельности.

Так, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 31 октября 2018 года суд отказал в удовлетворении исковых требований о возмещении понесенных убытков, заявленных одной из сторон агентского договора. В качестве обоснования вынесенного решения судом было отмечено, что заключенный между истцом и ответчиком договор содержит особое условие, согласно которому вынесенный специально уполномоченными органами авиационной власти государств вылета и прилета, а также государств, чьи территории затрагивают воздушные линии, отказ, разрешающий и одобряющий совершение установленных авиарейсов, является форс-мажорным обстоятельством, освобождающим авиакомпанию (ответчика) от несения ответственности [6].

Таким образом, закрепленное в договоре положение, устанавливающее, что акты или действия органов государственной власти относятся к форс-мажорным обстоятельствам, позволило, несмотря на наличие судебных разбирательств, «нейтрализовать» неопределенность в отношении по крайней мере одного из участников соответствующего правоотношения. Подобная предусмотрительность, материализовавшаяся в рамках предоставленной индивидуальным правовым регулированием возможности по собственному волеизъявлению сторон обозначить конкретные ситуации, которые могут быть оценены в качестве обстоятельств непреодолимой силы, позволила однозначным образом разрешить возникшую спорную ситуацию.

В рассмотренном случае мы можем отметить положительное влияние неопределенности категориального аппарата обстоятельств непреодолимой силы как явления правовой действительности, поскольку именно оно побудило стороны посредством закрепления в договоре специальных дополнительных условий «доурегулировать» отдельные моменты, а именно, уточнить перечень ситуаций, которые могут быть признаны как обстоятельства непреодолимой силы конкретно для данных участников в определенных правовых отношениях.

Следует согласиться с высказанным в литературе мнением о том, что возникающая вследствие отсутствия обязательного, полного и законченного перечня обстоятельств непреодолимой силы как в отечественном, так и в международном законодательстве неопределенность является крайне нежелательной и в некоторой степени даже опасной, поэтому необходимо особо учитывать это при составлении договора, избегая размытых абстрактных формулировок, выраженных в простом декларировании положения об освобождении стороны от несения ответственности на невыполнение или ненадлежащее выполнение предусмотренных обязательств в случае возникновения препятствий в виде непреодолимой силы [7, с. 217—220]. Ограничиваясь расплывчатыми установками, не содержащими детализированный перечень обстоятельств непреодолимой силы, стороны неизбежно придут к разногласиям по поводу того, является ли то или иное затруднение форс-мажором или нет [8, с. 5].

Видится необходимым отметить, что не всегда наличие специальных условий, регулирующих вопрос о непреодолимой силе, дает абсолютную гарантию освобождения от ответственности. Так, например, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 февраля 2017 года суд отметил, что апелляционная инстанция приняла правильное решение, не освободив арендатора, ссылающегося на возникновение форс-мажорных обстоятельств, от несения ответственности, в связи с тем арендодатель не получал уведомления о наступлении таких обстоятельств в виде пожара, полностью уничтожившего арендованное оборудование [9].

Очевидно, что закрепление в договоре специальных условий, в индивидуальном порядке регулирующих вопрос освобождения сторон от ответственности в случае наступления обстоятельств непреодолимой силы, является одним из элементов на пути к разрешению неопределенности возможных ситуаций, не меньшую значимость при этом имеют активно предпринимаемые впоследствии действия участников, реализуемые в соответствии с предъявляемыми нормативными требованиями, что в своей совокупности считается необходимым и достаточным для квалификации того или иного обстоятельства в качестве непреодолимой силы и представляет собой один из вариантов материализованного результата по устранению неопределенности.

Таким образом, проанализировав неопределенность в вопросе квалификации обстоя-

тельств непреодолимой силы в сфере индивидуального правового регулирования, мы можем сделать несколько выводов.

Во-первых, необходимо еще раз заострить внимание на том, что неопределенность выступает мощным стимулирующим фактором развития индивидуального правового регулирования. Итогом подобного «стимулирования» является использование в договорной практике специальных формулировок, которые мы именуем условиями освобождения сторон от несения ответственности вследствие наступления форс-мажорных обстоятельств. Иными словами, неопределенность приводит к возникновению материализованного результата в форме закрепления в договоре особых условий, касающихся форс-мажора.

Во-вторых, возможны дальнейшие варианты исходов реализации указанного результата. Первый вариант, назовем его «конечный», выражается в разрешении спора в судебном порядке и освобождении одной из сторон от ответственности по причине наступления одной из перечисленных в условиях договора ситуаций, квалифицируемых в качестве форс-мажорных обстоятельств без каких-либо сложностей в виде долгого судебного разбирательства, апелляционных и кассационных жалоб, приводящих к отмене решений, принятых судами нижестоящих инстанций.

При таком раскладе можно говорить о «чистом» юридическом положительном эффекте, обусловленном феноменом неопределенности, так как разработанные в индивидуальном порядке нормативные положения для участников конкретных правовых отношений, что само по себе уже представляет в некотором роде достижение, используются по своему непосредственному предназначению и приводят к исполнению намеченной цели (однозначному разрешению спорных ситуаций). Иными словами, все идет по запланированному юридическому «сценарию», устраняя таким образом неопределенность.

Еще один возможный вариант исхода реализации материализованного результата индивидуального правового регулирования можно обозначить как неопределенность второго уровня. Сюда, на наш взгляд, следует отнести упомянутые ранее ситуации, при которых стороны включают в договор условия, регулирующие форс-мажорные ситуации, но формулировки таких условий являются размытыми и абстрактными, отсутствует конкретный подробный перечень обстоятельств, наступление которых при возникновении спорных ситуаций может стать при-

чиной освобождения одной из сторон от ответственности. Получается, что подобная «ветка» развития индивидуального правового регулирования, представляя лишь поверхностную попытку закрепления на бумаге дополнительных положений, касающихся обстоятельств непреодолимой силы, в сущности, не несет практической пользы, поскольку не может решить изначально заданную проблему неопределенности.

Третий предполагаемый исход применения самостоятельно установленных условий о форс-мажоре связан с весьма острым вопросом, касающимся необходимости проверки судом соответствия наступивших одной из перечисленных в договоре ситуаций критериям чрезвычайности и непредотвратимости. И здесь, полагаем, вновь можно говорить о неопределенности более глубокого уровня, поскольку появляется весьма неоднозначная проблема толкования договора. Следует ли безапелляционно толковать любые из содержащихся в форс-мажорном перечне обстоятельства в качестве непреодолимой силы, освобождая сторону от несения ответственности, или же добавление в договорные условия каких-либо ситуаций не может автоматически считаться обстоятельством подобного рода и для признания его таковым требуется, как в случае с использованием общего законодательного положения в рамках нормативного правового регулирования, одновременное соответствие специальным критериям, предусмотренным пунктом 3 статьи 401 ГК РФ (непреодолимость, чрезвычайность, непредвидимость)?

Если обратиться к практике, то нельзя дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Так, например, в постановлении Тринадцатого арбитражного суда от 24 октября 2019 г. по делу № А56-3273/2019 суд, констатируя, что в государственном контракте сторонами была установлена возможность освобождения от ответственности за полное или частичное неисполнение обязательств в том случае, если, помимо желания и воли сторон возникают чрезвычайные и непредотвратимые при данных условиях препятствия в виде обстоятельств непреодолимой силы (война, гражданские волнения, блокада, эмбарго, эпидемии и другие), делает акцент не на необходимости соответствия сложившейся форс-мажорной ситуации, а именно установлении Правительством США эмбарго на импорт специального оборудования в Россию, а на соблюдении процессуальных особенностей. Отмечается, что согласно заключенному контракту при возникновении обстоя-

тельств непреодолимой силы на одну из сторон возлагается обязанность произвести оповещение другой стороны не позже, чем десять дней с момента наступления таких обстоятельств [10]. Аналогичные варианты, касающиеся особенностей рассмотрения споров подобной категории, можно встретить и в других судебных актах [11].

Интерес представляет позиция, изложенная в постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2019 года. В один из пунктов договора об оказании образовательных услуг было включено положение об освобождении сторон от ответственности в случае возникновения обстоятельств непреодолимой силы. В перечне перечисленных в договоре чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств указывается издание актов органов государственной власти. Суд, анализируя материалы дела, приводит пункт 3 статьи 401 ГК РФ, сопоставляя таким образом наступившую ситуацию с действующей нормой. При этом суд приходит к выводу о том, что в связи с отсутствием в законодательстве такого обстоятельства непреодолимой силы, как издание актов государственных органов, то включенные в договор условия являются незаконными и нарушают права потребителей [12].

По нашему мнению, подобное заключение суда является ошибочным, хотя бы потому, что, во-первых, в действующем законодательстве вообще не существует точного списка обстоятельств непреодолимой силы, а лишь указаны их критерии; во-вторых, акты органов государственной власти могут быть признаны как обстоятельства непреодолимой силы. В качестве подтверждения данной мысли можно также привести материалы судебной практики.

В решении Арбитражного суда города Москвы от 8 октября 2019 года № 19 содержится прямо противоположная позиция. Судом отмечается, что действие непреодолимой силы, которое способно освободить от ответственности в сфере предпринимательской деятельности, может проявляться в виде стихийных бедствий, *определенных запретительных мер государства* (курсив наш. — П.Н.). Подчеркивается, что квалификация перечисленных обстоятельств в качестве непреодолимой силы является общепризнанной в мировой практике. В контексте интересующего нас вопроса, касающегося проверки наступившей форс-мажорной ситуации на предмет ее соответствия предусмотренным законом критериям, следует также отметить, что в рассматриваемом деле суд осуществил данное действие, аргументируя это ссылками

на позиции вышестоящих органов судебной власти [13].

Еще одним доказательством того, что изданные государством акты могут признаваться в качестве обстоятельств непреодолимой силы, являются проанализированные запретительные акты государственных органов власти в связи с распространением коронавирусной инфекции. Более того, Верховный Суд РФ намеревается оценивать как форс-мажор установленные вследствие пандемии массовые временные ограничения.

В проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ со ссылками на статьи 401, 405, 417 ГК РФ указывается, что в случае наступления чрезвычайных и непредотвратимых обстоятельств, к числу которых относится и принятие актов органа государственной власти и органа местного самоуправления, после заключения договора, то каждая из сторон, объективно утратив интерес, имеет право отказаться от договора. Кроме того, подчеркивается, что наступление обстоятельств непреодолимой силы освобождает сторону от обязанности возмещать причиненные убытки или выплачивать другой стороне иные санкционные суммы, обусловленные просрочкой исполнения договорных обязательств [14].

В рассмотренных судебных решениях производится проверка произошедшей форс-мажорной ситуации на предмет ее соответствия критериям обстоятельств непреодолимой силы. Аналогичные действия наблюдаются также во многих других судебных актах.

Так, в решении Арбитражного суда Оренбургской области от 13 февраля 2019 года указано, что «доводы ответчика, основывающиеся на наличии в Регламенте специальных условий, касающихся освобождения от ответственности вследствие указанных форс-мажорных ситуаций (в том числе крушение воздушного судна), были отклонены судом, и обосновывается это тем, что юридическая квалификация возникших ситуаций в качестве непреодолимой силы возможна исключительно при одновременном наличии выработанных существенных признаков». Кроме того, суд указывает, что «заключение соглашения, предполагающего устранение или же уменьшение размера имущественной ответственности экспедитора, является ничтожным» [15].

Таким образом, можно говорить, что сложившаяся судебная практика неоднозначна. В некоторых случаях суды не «ставят во главу угла» необходимость квалификации наступившего форс-мажорного обстоятельства с учетом вы-

работанных в общем правовом регулировании критериев непреодолимой силы, а лишь проверяют все процессуальные тонкости и нюансы, как например, заблаговременное оповещение стороны о возникновении форс-мажора. В других же судебных актах наблюдается строгая формализованная процедура «классической» квалификации той или иной ситуации в качестве обстоятельства непреодолимой силы с опорой на характерные особенности данного правового явления.

На наш взгляд, с одной стороны, детальная проверка каждого конкретного обстоятельства на соответствие установленным критериям является правильной с точки зрения права и в некоторых случаях позволяет проконтролировать участников различных правоотношений и не допустить использование противоречащей закону возможности избежать ответственности или уменьшить ее размер, с другой — при таком подходе теряется смысл в правотворчестве, реализуемом в рамках индивидуального правового регулирования, поскольку разработанные сторонами, по сути, уникальные положения, представляющие собой форс-мажор именно для них, не учитываются, и первостепенное значение приобретает нормативное правовое регулирование. Хотя непосредственно в пункте 3 статьи 401 ГК РФ содержится формулировка «если иное не предусмотрено законом или договором...».

Получается, что и в данном вопросе присутствует неопределенность. Возможно, что для максимально эффективного использования преимуществ индивидуального правового регулирования применительно к обстоятельствам непреодолимой силы в условия договора сторонам следует также включать специальную оговорку о том, что существенные признаки, закрепленные в пункте 3 статьи 401 ГК РФ, не могут быть применены в отношении них.

Примечания

1. Зайцев Н.Д. Неопределенность как научная и философская проблема // Политехнический молодежный журнал. 2016. № 5. С. 1—8.
2. Simon H. Rationality in Psychology and Economics // Journal of Business. 1986. Vol. 59. No 4, part 2. P. 5209—5224. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/2352757.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (дата обращения: 26.05.2020).
3. Дуэль В.М., Луговая Ю.Б. Об объективных и субъективных предпосылках неопределенности права // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: ма-

териалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. I. М.: РГУП, 2018. С. 192—195.

4. Баранова М.В. Определенность и неопределенность как свойства и средства правового регулирования // Определенность и неопределенность права как парные категории: проблемы теории и практики: материалы XII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. I. М.: РГУП, 2018. С. 106—113.

5. Крючков Р.А. Риск в праве: генезис, понятие и управление: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 27 с.

6. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 октября 2018 г. № Ф05-18234/2018 по делу № А40-5830/2018. Доступ из СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 25.05.2020).

7. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика. М.: Юрлитинформ, 2012. 336 с.

8. Черененко Д. Обстоятельства непреодолимой силы // ЭЖ-ЮРИСТ. 2005. № 21.

9. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21 февраля 2017 г. № Ф07-14043/2016 по делу № А05-668/2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2020).

10. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 24 октября 2019 г. по делу № А56-3273/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).

11. Решение Арбитражного суда Тульской области от 16 июля 2019 г. по делу № А68-4615/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).

12. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 августа 2019 г. по делу № А60-57784/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).

13. Решение Арбитражного суда города Москвы от 8 октября 2019 года по делу № А40-103937/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).

14. В Верховном Суде Российской Федерации состоялся очередной онлайн Пленум. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28958/ (дата обращения: 29.05.2020).

15. Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 13 февраля 2019 г. по делу № А47-4054/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.05.2020).

References

1. Zaitsev N.D. Uncertainty as a scientific and philosophical problem. *Polytechnic youth magazine*, 2016, no. 5, pp. 1—8. (In Russ.)

2. Simon H. Rationality in Psychology and Economics. *Journal of Business*, 1986, vol. 59, no 4, part 2,

pp. 5209—5224. URL: https://www.jstor.org/stable/pdf/2352757.pdf?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 26.05.2020). (In Russ.)

3. Duel V.M., Lugovaya Yu.B. On objective and subjective prerequisites for the uncertainty of law. *Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII international scientific and practical conference: in 3 parts. Part I*. Moscow: RGUP Publ., 2018, pp. 192—195. (In Russ.)

4. Baranova M.V. Definiteness and uncertainty as properties and means of legal regulation. *Certainty and uncertainty of law as paired categories: problems of theory and practice: materials of the XII international scientific and practical conference: in 3 parts. Part I*. Moscow: RGUP Publ., 2018, pp. 106—113. (In Russ.)

5. Kryuchkov R.A. Risk in law: Genesis, concept and management. Author's abstract... candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod, 2011. 27 p. (In Russ.)

6. Resolution of the Moscow district Arbitration court no. F05-18234/2018 of October 31, 2018 in case no. A40-5830/2018. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.05.2020). (In Russ.)

7. Khuzhin A.M. Innocent behavior in law: methodology, theory, practice. Moscow: YurLitinform Publ., 2012. 336 p. (In Russ.)

8. Cherenenko D. Circumstances of irresistible force. *EZH-LAWYER*, 2005, no. 21. (In Russ.)

9. Resolution of the Arbitration court of the North-Western district of February 21, 2017 no. F07-14043/2016 in case no. A05-668/2015. Access from the reference legal system "ConsultantPlus" (accessed 25.05.2020). (In Russ.)

10. Decision of the Thirteenth commercial court of appeal of 24 October 2019 in case no. A56-3273/2019. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 26.05.2020). (In Russ.)

11. Decision of the Commercial court of the Tula region of July 16, 2019 in case no. A68-4615/2019. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 26.05.2020). (In Russ.)

12. Decision of the Seventeenth commercial court of appeal of August 21, 2019 in case no. A60-57784/2018. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 26.05.2020). (In Russ.)

13. Decision of the Moscow Arbitration court of October 8, 2019 in case no. A40-103937/2019. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 26.05.2020). (In Russ.)

14. The next online Plenum was held In the Supreme Court of the Russian Federation. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28958/ (accessed 29.05.2020). (In Russ.)

15. Decision of the Arbitration court of the Orenburg region dated February 13, 2019 in case no. A47-4054/2018. *Judicial and regulatory acts of the Russian Federation*. URL: <https://sudact.ru/> (accessed 26.05.2020). (In Russ.)